

Процессуальное право Международного Суда ООН: встречные требования (условия приемлемости)

Сергей Пунжин*

Для того чтобы Международный Суд мог рассмотреть встречное требование, оно должно подпадать под его юрисдикцию и быть непосредственно связано с предметом основного требования. Что касается возможности существования различных оснований юрисдикции применительно к основному и встречному требованиям, то определяющее значение имеет характер акта, предполагающего юрисдикцию применительно к первоначальному требованию. Вывод в отношении юрисдикции применительно к встречному требованию обладает силой *res judicata*. Наличие непосредственной связи определяется с точки зрения права и факта в контексте обстоятельств дела. Суд определил факторы, которые позволяют установить наличие или отсутствие непосредственной связи: географический регион и период времени, к которым относятся оспариваемые действия; характер этих действий; применимые международно-правовые нормы; а также юридические цели сторон. Если встречное требование отвечает критериям юрисдикции и непосредственной связи, то оно становится частью процесса.

→ *Международный Суд, Регламент Суда, процессуальное право, встречные требования, условия приемлемости, юрисдикция, непосредственная связь, дискреционные полномочия*

Для того чтобы встречное требование было принято к рассмотрению Судом в рамках уже существующего процесса, оно должно удовлетворять двум условиям: подпадать под юрисдикцию Суда и быть непосредственно связано с предметом основного требования¹. Эти два условия действуют в совокупности и должны оба быть соблюдены. Так, наличие юрисдикции ещё не означает, что основное и встречное требования связаны непосредственно². Существует ещё третье условие — встречное требование должно быть представлено в контрмеморандуме и входить в число содержащихся в нём *представлений, выно-*

*симых на разрешение Суда*³. Это условие, однако, носит исключительно формальный характер и ни практических трудностей, ни особого теоретического интереса собой не представляет. Всё же стоит отметить, что в одном из дел в недавней практике Международного Суда (*Военные действия на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды)*) государство-заявитель выдвинуло возражение против встречных требований, основанное на несоблюдении требований формы. ДПК, в частности, утверждала, что формулировки контрмеморандума Уганды, которые якобы

* Пунжин Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, сотрудник Правового департамента Секретариата Международного Суда ООН (Гаага, Нидерланды) (e-mail: S.Punzhin@icj-cij.org). Взгляды и мнения, изложенные в статье, представляют исключительно точку зрения автора и необязательно отражают позицию учреждения, сотрудником которого он является.

¹ Пункт 1 статьи 80 Регламента Международного Суда.

² *Anzilotti D. La demande reconventionnelle en procédure internationale // Journal du droit international. Vol. 57 (1930). P.869.*

³ Используемый в Регламенте Суда термин («conclusions» во французском тексте и «submissions» — в английском) трудно точно одним словом перевести на русский язык. Автор предлагает вариант, выделенный в тексте курсивом.

содержат «встречные требования», неясны и не позволяют судить об их предмете и содержании. Подобные «встречные требования», по мнению Конго, не могли рассматриваться как отвечающие предписаниям Регламента Суда⁴. В ответ на это Суд заявил, что, хотя встречные требования Уганды могли бы быть представлены «более ясным образом», форма их изложения в контрмеморандуме не может служить основанием для признания этих встречных требований неприемлемыми⁵.

1. Юрисдикция Суда

В 30-е годы прошлого века в литературе было высказано мнение, что вопрос о юрисдикции Суда применительно к встречным требованиям имеет вторичное значение, поскольку «само собой разумеется, что [Суд] не примет к рассмотрению встречное требование, которое имело бы целью получить решение по вопросам, выходящим за пределы его юрисдикции»⁶. Несмотря на всю очевидность данного тезиса, важность вопроса о юрисдикции Суда применительно к встречным требованиям не следует недооценивать.

Условие пункта 1 статьи 80 Регламента, предполагающее наличие юрисдикции Суда в отношении встречного требования, вытекает из основополагающего принципа, который является краеугольным камнем существования и функционирования Международного Суда ООН: Суд не может рассматривать требование, будь оно основным или встречным, если стороны спора не выразили в той или иной форме согласия с его юрисдикцией в

отношении этого требования. Поскольку встречные требования представляют собой процессуальный инструмент, отличающийся от средств защиты, которые использует государство-ответчик⁷, постольку должно быть установлено применимое к ним основание юрисдикции. Процесс установления юрисдикции в отношении встречных требований, с одной стороны, имеет свою специфику, поскольку проходит в рамках «сопутствующей» процедуры, с другой — в этом процессе требуется исследование и вынесение решений по той же группе вопросов, как и при определении существования юрисдикции Международного Суда в рамках «основной» процедуры.

Применительно к юрисдикции Суда в том, что касается встречных требований, одна из проблем была сформулирована ещё Анцилотти: должны ли основания юрисдикции в отношении первоначального требования и встречного требования быть одинаковыми или же они могут различаться⁸? Сам он считал, что позиция, предполагающая идентичность оснований юрисдикции, не находит подтверждения ни в тексте соответствующего положения Регламента, ни на практике. Как отметил Анцилотти, в решении по делу *Фабрика в Хожуве* Постоянная палата международного правосудия исходила из того, что основания юрисдикции основного и встречного требования могут быть различными⁹.

В современной доктрине превалирует мнение о том, что основание юрисдикции должно быть единым применительно к основным и встречным требованиям¹⁰. Эта позиция в основном опирается на утверждение Суда в по-

⁴ Cour internationale de Justice. *Activités armées sur le territoire du Congo (République démocratique du Congo c. Ouganda)*. Observations écrites de la République démocratique du Congo sur la question de la recevabilité des demandes reconventionnelles présentées par l'Ouganda. P.6–23. §5–23.

⁵ Cour internationale de Justice. *Activités armées sur le territoire du Congo (République démocratique du Congo c. Ouganda)*. Demandes reconventionnelles. Ordonnance du 29 novembre 2001 // C.I.J. Recueil 2001. P.677. §31–33.

⁶ *Genet R.* Les demandes reconventionnelles et la procédure de la Cour permanente de Justice internationale // *Revue de droit international et de législation comparée*. Tome XIX. 1938. P.158.

⁷ Пунжин С. Процессуальное право Международного Суда ООН: встречные требования (общая часть) // *Международное правосудие*. 2013. № 4. С.99–110. Если бы встречные требования представляли собой только средство защиты, то вопрос о юрисдикции не возник бы в принципе, поскольку возражения в отношении требований (в какой бы форме они ни были представлены) охватываются юрисдикцией Суда, которая существует применительно к этим требованиям.

⁸ *Anzilotti D.* Op. cit. P.868.

⁹ *Ibid.*; Cour permanente de Justice internationale. *Usine de Chorzów*. Fond. Arrêt du 13 septembre 1928 // C.P.J.I. Série A. No. 17. P.37.

¹⁰ *Thirlway H.* Case Analysis: Counterclaims Before the International Court of Justice: The Genocide Convention and Oil Platforms Decisions // *Leiden Journal of International Law*. Vol. 12. Issue 1. March 1999. P.204; *Torres Bernárdez S.* La modification des articles du règlement de la Cour internationale de Justice relatifs aux exceptions préliminaires et aux demandes reconventionnelles // *Annuaire français de droit international*. Vol. 49. 2003. P.231; *Distefano G.* La demande reconventionnelle au fil des textes régissant le fonctionnement de la Cour de La Haye et de sa jurisprudence // *Revue suisse de droit international et de droit européen*. Vol. 18. 2008. No. 1–2. P.62; *Antonopoulos C.* Counterclaims before the International Court of Justice. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2011. P.76–78; *Azari H.* La demande reconventionnelle devant la Cour internationale de Justice. Thèse de doctorat soutenue le 19 octobre 2012. P.320 (URL: <https://www.docassas.u-paris2.fr/nuxeo/site/esupversions/69944fde-e028-4d9c-aa36-384e97e16af7>).

становлении о встречных требованиях в деле *Применение Конвенции о геноциде* о том, что путём встречного требования ответчик не может представить перед международным судебным органом «требование, которое выходит за пределы, в которых стороны признали его юрисдикцию»¹¹. Представители этого направления исходят из того, что юрисдикция Суда применительно к встречным требованиям устанавливается по отношению к основанию юрисдикции первоначального требования¹². Существует, однако, точка зрения меньшинства, в соответствии с которой основания юрисдикции могут не совпадать¹³. Для её приверженцев определяющее условие приемлемости выражение «подпадает под юрисдикцию Суда» в пункте 1 статьи 80 Регламента имеет широкое значение и не сводится к юрисдикции Суда применительно к первоначальному требованию.

В современной практике Международного Суда (после 1997 года) вопрос о различии в основаниях юрисдикции не возникал: во всех случаях при предъявлении встречных требований государство-ответчик использовало ту же юрисдикционную базу, что и государство-заявитель при возбуждении дела¹⁴. Таким образом, имеющиеся судебные прецеденты не позволяют сделать достоверный вывод о том, какой из вариантов решения проблемы, сформулированной Анцилотти, правилен. Теоретический анализ, тем не менее, приводит к заключению, что истина, как и во многих других случаях, лежит посередине между двумя крайностями. Определяющим в этом отношении будет характер акта (или актов), предполагающего юрисдикцию Суда применительно к первоначальному требованию. Если государство, возбуждающее дело, ссылается на односторонние заявления о признании юрисдикции Международного

Суда, сделанные обеими сторонами спора в соответствии с пунктом 2 статьи 36 его Статута (или на общий договор о разрешении споров, предусматривающий юрисдикцию Суда, например Боготский пакт¹⁵), то в отсутствие применимых оговорок основание юрисдикции будет всегда одним и тем же, поскольку такие заявления будут охватывать любые юридические споры в отношениях между этими сторонами.

Иная ситуация возникает, если требования государства-заявителя основаны на юрисдикционном положении одного международного договора, а государство-ответчик в качестве доказательства приемлемости встречных требований приводит юрисдикционное положение другого договора. В подобных обстоятельствах, по-видимому, будет очевидно, что поскольку два договора имеют различную предметную сферу охвата и, соответственно, в спор вовлечены две различные группы норм международного права, то главной проблемой будет наличие или отсутствие непосредственной связи между первоначальным и встречным требованиями (скажем, если требования государства-заявителя основаны на Конвенции о предупреждении преступления геноцида, а встречные требования — на Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации; обе конвенции предполагают юрисдикцию Международного Суда по спорам об их толковании и применении). В подобных обстоятельствах Суд может в целях экономии юридических средств не рассматривать вопросы юрисдикции, обратившись сразу к критерию непосредственной связи (как он это сделал в деле *Определённая деятельность, осуществляемая Никарагуа в пограничном районе (Коста-Рика против Никарагуа)*¹⁶). Два договора, содержащие положения, предусматривающие юрисдикцию

¹¹ Cour internationale de Justice. *Application de la convention pour la prévention et la répression du crime de génocide (Bosnie-Herzégovine c. Yougoslavie)*. Demandes reconventionnelles. Ordonnance du 17 décembre 1997 // C.I.J. Recueil 1997. P.257. § 31.

¹² Azari H. Op. cit. P.241.

¹³ См., например: *Savadogo L.* La renaissance de la procédure des demandes reconventionnelles // Revue belge de droit international. 1999. No. 1. P.251–252.

¹⁴ Двусторонний договор о дружбе (*Иран против США*), Конвенция о геноциде (*Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории и Хорватия против Сербии*), Европейская Конвенция о мирном разрешении споров (*Германия против Италии*), односторонние заявления о признании юрисдикции Суда (*Камерун против Нигерии и ДРК против Уанды*), Боготский пакт и односторонние заявления о признании юрисдикции Суда (*Коста-Рика против Никарагуа*).

¹⁵ Американский договор о мирном урегулировании. Подписан 30 апреля 1948 года (официально именуется «Боготский пакт» согласно его ст. LX). United Nations Treaty Series. Vol. 30. No. 449. P.55.

¹⁶ Cour Internationale de Justice. *Certaines activités menées par le Nicaragua dans la région frontalière (Costa Rica c. Nicaragua)*; *Construction d'une route au Costa Rica le long du fleuve San Juan (Nicaragua c. Costa Rica)*. Demandes reconventionnelles. Ordonnance du 18 avril 2013 (URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/150/17358.pdf>).

Международного Суда, однако, могут иметь предметные сферы, которые близки друг другу (например, Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации и Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин). В такой ситуации с большой степенью вероятности можно утверждать, что Суд сочтёт юрисдикционное условие выполненным.

Наконец, если первоначальные требования опираются в качестве юрисдикционной базы на односторонние заявления, а встречные требования — на юрисдикционное положение конвенции (например, поскольку ответчик не может использовать односторонние заявления в силу существующих оговорок), то всё также будет зависеть от природы фактов, лежащих в основе первоначальных и встречных требований. Если природа фактов различна, Суд, как это указано выше, может оставить в стороне вопросы юрисдикции и признать встречные требования неприемлемыми ввиду отсутствия непосредственной связи. В противном случае, если факты имеют одну природу, Суд должен будет следовать обычной процедуре и начать с юрисдикционного условия, которое при рассматриваемой комбинации оснований может считаться выполненным.

Обратный вариант, когда первоначальное требование опирается на юрисдикционное положение договора, а встречное — на одностороннее заявление, практически нереален, поскольку использование одностороннего заявления для целей встречных требований предполагает, что и государство, первоначально возбудившее дело, сделало такое же одностороннее заявление. Это означает, что для обоснования юрисдикции Суда государство-заявитель могло использовать оба применимых юрисдикционных титула (конвенцию и односторонние заявления), что обычно и делается при возбуждении дела. В этих обстоятельствах вопрос о различиях в основаниях юрисдикции не возникает.

Что касается споров, передаваемых в Суд на основании специального соглашения, то,

как было отмечено в предыдущей статье, предъявление встречных требований в таких делах маловероятно, если вообще возможно¹⁷.

Международный Суд специально исследовал вопросы юрисдикции в рамках процедуры встречных требований только в двух случаях.

В деле *Нефтяные платформы (Иран против Соединённых Штатов Америки)* на стадии рассмотрения приемлемости встречного требования Соединённых Штатов (предъявлено в июне 1997 года) Иран заявил, что это требование не подпадает под юрисдикцию Суда. Обратим внимание, что Суд в вынесенном несколькими месяцами ранее (12 декабря 1996 года) решении по предварительным возражениям США установил, что он обладает юрисдикцией в отношении требований Ирана, связанных с разрушением США его нефтяных платформ в Персидском заливе. Эта юрисдикция ограничивалась вопросами толкования и применения положений гарантирующего свободу торговли и мореплавания пункта 1 статьи X Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 года между США и Ираном¹⁸. В решении от 12 декабря 1996 года свобода торговли трактовалась Судом широко, как включающая свободу всех действий, относящихся к торговле. Эта свобода будет нарушена, если уничтожаются предметы торговли, создаются препятствия их транспортировке и хранению. При вынесении решения по поводу соблюдения юрисдикционного условия приемлемости встречного требования Международный Суд исходил именно из этого понимания торговли. Принимая во внимание, что во встречном требовании США обвинили Иран в нападении на суда и установке мин, которые препятствовали морской торговле, Суд пришёл к выводу, что подобные действия охватываются пунктом 1 статьи X Договора, так как они нарушают «свободу торговли». Отсюда следует, что Суд обладает юрисдикцией вынести решение в отношении встречного требования, основанного на фактах таких действий¹⁹.

¹⁷ Пунжин С. Указ соч. С. 57.

¹⁸ В соответствии с пунктом 1 статьи X «[м]ежду территориями двух Высоких Договаривающихся Сторон устанавливается свобода торговли и мореплавания». Содержащаяся в Договоре 1955 года юрисдикционная оговорка (п. 2 ст. XXI) гласит, что «[л]юбой спор между Высокими Договаривающимися Сторонами относительно толкования или применения настоящего Договора, который не урегулирован удовлетворительным образом дипломатическими средствами, передаётся на рассмотрение Международного Суда, если только Высокие Договаривающиеся Стороны не договорились о его разрешении иными мирными средствами».

¹⁹ International Court of Justice. *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Counter-Claim. Order of 10 March 1998 // I.C.J. Reports 1998. P.204. § 34–36.

На стадии рассмотрения дела по существу Иран вновь заявил, что встречное требование США не подпадает под юрисдикцию Суда. В своём решении Суд признал, что с процессуальной точки зрения Иран сохраняет право выдвинуть возражения против юрисдикции на данной стадии, поскольку в рамках сопутствующей процедуры определения приемлемости встречного требования проверялось только его соответствие условиям статьи 80 Регламента, то есть в постановлении о встречном требовании Суд не касался вопросов юрисдикции, выходящих за пределы этой статьи²⁰. Затем, отвергнув юрисдикционные (а также иные) возражения Ирана по причине их необоснованности, Суд перешёл к анализу существа встречного требования²¹.

В деле *Юрисдикционные иммунитеты государства (Германия против Италии)* встречное требование было выдвинуто Италией, которая в качестве основания юрисдикции Суда ссылаясь на Европейскую конвенцию о мирном разрешении споров от 29 апреля 1957 года, предусматривающую юрисдикцию Международного Суда ООН по спорам между её участниками. Конвенция, однако, предполагает в статье 27(а), что она «не применяется к... спорам, касающимся фактов или ситуаций, предшествующих вступлению в силу настоящей Конвенции между сторонами спора». Германия отрицала наличие у Международного Суда юрисдикции применительно к встречному требованию именно ввиду этого ограничения. При определении приемлемости встречного требования в постановлении от 7 июля 2010 года Суд пришёл к выводу, что спор, который Италия намеревалась представить на разрешение Суда путём предъявления встречного требования, касался послевоенного режима репараций, то есть «фактов и ситуаций, существовавших до вступления в силу» Конвенции между сторонами²². Отсюда вытекает, что этот спор не подпадает под действие Европейской конвенции *ratione temporis* и Суд, соответственно, не может иметь юрисдикции в его отношении²³.

Доктрина упрекает Суд в непоследовательности и обращает внимание на якобы имеющееся противоречие в подходе Суда при решении вопроса о юрисдикции в делах *Нефтяные платформы* и *Юрисдикционные иммунитеты*. В частности, утверждается, что, как следует из прецедента *Нефтяных платформ*, оценка юрисдикции на стадии определения приемлемости встречных требований осуществляется только в самом общем виде, оставляя на будущее полное выяснение вопроса о юрисдикции. Это подтверждается тем, что вывод Суда о приемлемости или неприемлемости встречных требований оформляется в виде постановления, а не имеющего силу *res judicata* решения²⁴. В *Юрисдикционных иммунитетах* же Суд отошёл от прежней практики, которая якобы предполагала, что юрисдикция при определении приемлемости встречных требований не устанавливается окончательно, и рассмотрел возражение Германии против того, что встречное требование Италии подпадает под юрисдикцию Суда, «как предварительное возражение на стадии сопутствующего производства»²⁵. Таким образом, он вынес решение по поводу юрисдикции, являющееся *res judicata*.

Как представляется, тезис о том, что эти два прецедента демонстрируют непоследовательность Суда при установлении юрисдикции применительно к встречным требованиям, не находит подтверждения в текстах соответствующих решений и не учитывает общего подхода Суда к вопросам юрисдикции, выработанного в его практике. Единственное различие между делами *Нефтяные платформы* и *Юрисдикционные иммунитеты* состоит в том, что в одном случае на стадии сопутствующей процедуры Суд признал наличие у него юрисдикции, а в другом нет. Однако это лишь показывает, что обстоятельства дел различались, но никак не демонстрирует изменение позиции Суда по принципам определения юрисдикции. Элементы, которые доктрина отметила как различающие два дела, а именно то, что в *Нефтяных*

²⁰ International Court of Justice. *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 6 November 2003 // I.C.J. Reports 2003. P.210. § 105.

²¹ *Ibid.* P.210–214. § 106–115, 119.

²² Между Италией и Германией Конвенция вступила в силу 18 апреля 1961 года.

²³ International Court of Justice. *Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy)*. Counter-Claim. Order of 6 July 2010 // I.C.J. Reports 2010. P.319–321. § 26–31.

²⁴ *Azari H.* Op. cit. P.156–158.

²⁵ *Antonopoulos C.* Op. cit. P.114, 116–119.

платформах существовало предварительное решение, устанавливавшее юрисдикцию в отношении первоначальных требований, а в *Юрисдикционных иммунитетах* такого предварительного решения не было, и то, что в *Нефтяных платформах* Суд дополнительно рассматривал вопросы юрисдикции на стадии вынесения решения по существу, принципиального значения не имеют.

Ещё в 1972 году Суд заявил, что он должен «всегда быть убеждён, что обладает юрисдикцией, и должен, если необходимо, рассмотреть этот вопрос *proprio motu*»²⁶. Таким образом, даже после того, как Суд признал наличие у него юрисдикции на стадии предварительных возражений, если на последующих стадиях он считает необходимым вновь убедиться в её существовании (по собственной инициативе или по просьбе стороны в споре), Суд не только имеет право, но и обязан ещё раз обратиться к этому вопросу. Например, в деле *Применение конвенции о геноциде* в 1996 году Суд при вынесении решения по поводу предварительных возражений признал, что он обладает юрисдикцией по спору между Боснией и Герцеговиной и Югославией. В 2001 году, однако, Югославия снова поставила вопрос о юрисдикции, в данном случае в плане юрисдикции *ratione personae*. В ответ 12 июня 2003 года Суд проинформировал Сербию и Черногорию²⁷, что он «не вынесет решения по существу в настоящем деле, если только не будет уверен в том, что обладает юрисдикцией», и что Сербия и Черногория может представить свои аргументы по вопросам юрисдикции во время устной процедуры²⁸. Эти вопросы были, соответственно, затронуты Сербией и Черногорией во время слушаний в 2006 году. В решении 2007 года Суд подтвердил наличие у него юрисдикции, ссылаясь на принцип *res judicata*, которой не позволяет пересмотреть вынесенное в 1996 году решение²⁹.

Не вызывает сомнения, что и в любом другом деле, если вопросы юрисдикции будут поставлены после вынесения решения по

предварительным возражениям, Суд обязан будет дать на них ответ. Наиболее вероятно, что решение в отношении юрисдикции, обладающее силой *res judicata*, не будет пересмотрено, но это ни в коей мере не будет противоречить общему правилу о том, что вопросы юрисдикции, если необходимо, могут и должны быть рассмотрены на любой стадии процесса.

Таким образом, с точки зрения общего принципа, подход Суда к определению того, подпадает ли встречное требование под его юрисдикцию, последователен и непротиворечив. Остаётся, однако, вопрос: является ли окончательным решение Суда в отношении юрисдикции, вынесенное на стадии установления приемлемости встречного требования? Ответ на него, скорее всего, следует дать положительный. Несмотря на то что вывод о приемлемости или неприемлемости встречного требования оформляется как постановление, а не решение³⁰, он всё же является *res judicata*. В частности, признание Судом отсутствия у него юрисдикции в отношении встречного требования делает невозможным его представление Суду вновь в качестве самостоятельного требования. Если встречное требование подпадает под юрисдикцию Суда и признано приемлемым, последующие возражения против юрисдикции возможны, но, оценивая их обоснованность, Суд должен будет учитывать ранее вынесенное решение таким же образом, как это было сделано в деле *Применение конвенции о геноциде*.

Что же касается формы, в которую облекается вывод Суда о том, подпадает ли встречное требование под его юрисдикцию, то она ни в Статуте, ни в Регламенте не установлена и вряд ли может служить надёжным индикатором юридической силы этого вывода.

2. Непосредственная связь

Подтверждение или опровержение существования непосредственной связи между основным и встречным требованиями, которая

²⁶ International Court of Justice. *Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council (India v. Pakistan)*. // I.C.J. Reports 1972. P. 52. § 13.

²⁷ Так к тому времени стала называться Югославия.

²⁸ International Court of Justice. *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*. Judgment of 26 February 2007 // I.C.J. Reports 2007. P. 77. § 82.

²⁹ Ibid. P. 101–102. § 140.

³⁰ Как общее правило, только решение Суда (judgment/arrêt) является *res judicata*.

является ещё одним критерием приемлемости встречного требования, представляет собой особую сложность. Нормативной дефиниции того, что представляет собой такая связь, не существует, и Суд делает свой вывод о её наличии или отсутствии, «принимая во внимание особенности каждого дела» и учитывая то, что «степень связи между требованиями должна оцениваться с точки зрения как фактов, так и права»³¹. Ф. Салерно, правда, исходя из определения спора как расхождения во мнениях в отношении права или фактов³², высказал мнение, что для признания приемлемости встречных требований достаточно, чтобы существовал только один из этих элементов³³. Подобная позиция, как будет показано ниже, не нашла подтверждения в судебной практике. К общим положениям, относящимся к определению непосредственной связи, можно добавить утверждения Суда о том, что такая связь не предполагает, что соответствующие аргументы ответчика должны одновременно обосновывать встречное требование и использоваться для защиты от первоначального³⁴. Кроме того, «встречные требования, для того чтобы удовлетворять критерию «связи» по статье 80, необязательно должны быть основаны на идентичных инструментах»³⁵. Это высказывание Суда означает, что для подтверждения встречных требований всегда могут быть выдвинуты дополнительные факты и правовые соображения постольку, поскольку предмет спора не меняется.

Если взять период Постоянной палаты международного правосудия, то в деле *Фабрика в Хожуве* для признания выполненными «материальных условий» принятия к производству встречного требования было достаточно того, что встречное требование Польши ссылается на ту же правовую норму

(ст. 256 Версальского договора), которая лежит в основе её возражений против требований Германии³⁶. В силу этого, по мнению Палаты, и первоначальное, и встречное требования относятся к одному и тому же предмету спора. Главным аргументом здесь выступает правовая связь, поскольку наличие связи в отношении фактов было очевидно. В деле *Отвод воды из реки Маас* Постоянная палата не стала утруждать себя аргументацией, а просто заявила, что встречное требование Бельгии непосредственно связано с основным³⁷. В данном деле сами по себе факты, на которые опирались первоначальное и встречное требование, были различны, однако они относились к одному и тому же территориальному району и были связаны с использованием вод Мааса. Кроме того, оба требования ссылались на договор от 12 мая 1863 года между Нидерландами и Бельгией о режиме отвода вод из реки Маас.

В первом деле, в котором Международный Суд рассмотрел вопрос о приемлемости встречных требований — *Право на убежище (Колумбия/Перу)*, вопрос о непосредственной связи встречных и основных требований был решён следующим образом. Требование Колумбии состояло в том, что, во-первых, она сама имеет право квалифицировать правонарушение (для защиты от преследования, в отношении которого убежище предоставляется) для целей предоставления убежища и, во-вторых, Перу должно дать гарантии (охранную грамоту) для того, чтобы Виктор Рауль Айя де ля Торре³⁸, которому было предоставлено убежище в колумбийском посольстве в столице Перу городе Лиме, мог покинуть территорию Перу. Встречное требование Перу состояло в том, чтобы Суд признал, что убежище Айя де ля Торре было предоставлено Колумбией в нарушение Га-

³¹ Cour internationale de Justice. *Application de la convention pour la prévention et la répression du crime de génocide (Bosnie-Herzégovine c. Yougoslavie)*. Demandes reconventionnelles. Ordonnance du 17 décembre 1997 // C.I.J. Recueil 1997. P.258. § 33.

³² Cour permanente de Justice internationale. *Concessions Mavrommatis en Palestine*. Arrêt No. 2. Le 30 août 1924 // C.P.J.I. Série A. No. 2. P.11.

³³ *Salerno F.* La demande reconventionnelle dans la procédure de la Cour international de Justice // Revue générale de droit international public. Vol. 103. 1999. No. 2. P.349.

³⁴ Cour internationale de Justice. *Activités armées sur le territoire du Congo (République démocratique du Congo c. Ouganda)*. Demandes reconventionnelles. Ordonnance du 29 novembre 2001 // C.I.J. Recueil 2001. P.679. § 38.

³⁵ International Court of Justice. *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*. Judgment of 19 December 2005 // I.C.J. Reports 2005. P.275. § 326.

³⁶ Cour permanente de Justice internationale. *Usine de Chorzów*. Fond. Arrêt du 13 septembre 1928 // C.P.J.I. Série A. No. 17. P.38.

³⁷ Cour permanente de Justice internationale. *Prises d'eau à la Meuse*. Arrêt du 28 juin 1937 // C.P.J.I. Série A/B. No. 70. P.28.

³⁸ Лидер политической партии в Перу (Американский народный революционный альянс), которого власти Перу обвиняли в организации вооружённого мятежа 3 октября 1948 года.

ванской Конвенции об убежище 1928 года. Колумбия оспорила существование непосредственной связи между её требованиями и встречным требованием, поскольку по своему содержанию *ratione materiae* они не были связаны друг с другом. По мнению Колумбии, встречное требование было, по существу, новым требованием, которое ставило новые вопросы и представляло на рассмотрение Суда новый спор³⁹. Суд же решил, что требования Колумбии исходят из предполагаемой правильности предоставления убежища, а именно этот тезис оспаривается во встречном требовании. Кроме того, связь основного и встречного требований подтверждается тем, что некоторые условия выдачи охранной грамоты непосредственно зависят от «фактов», приводимых во встречном требовании⁴⁰. Таким образом, в этом деле наличие непосредственной связи было установлено Судом с точки зрения как правовой, так и фактической связи. В частности, для того чтобы дать ответ на требования Колумбии, Суд неизбежно должен был иметь дело с вопросами, лежавшими в основе встречного требования.

В деле *Права граждан Соединённых Штатов Америки в Марокко* встречные требования были заявлены США. Не утруждая себя оценкой наличия непосредственной связи между основными и встречными требованиями, Суд рассмотрел встречные требования США наряду с основными требованиями Франции и вынес по ним решение⁴¹.

В «современный» период практики по делам со встречными требованиями, решая вопрос о приемлемости встречных требований Югославии⁴² в деле *Босния и Герцеговина против Югославии*, Суд заявил, что из представлений, выносимых на разрешение Суда, вытекает, что, во-первых, природа фактов,

из которых исходят основные и встречные требования, одинакова (действия, составляющие нарушения Конвенции о геноциде). Во-вторых, эти требования относятся к одной и той же совокупности фактов постольку, поскольку эти факты касаются одной и той же территории (Босния и Герцеговина) и одного и того же периода времени. В-третьих, что касается правовой связи основных и встречных требований, то, по мнению Суда, она существовала постольку, поскольку стороны преследовали одну и ту же юридическую цель (хотя и каждая со своей стороны) — установление ответственности за нарушение обязательств по Конвенции о геноциде⁴³.

В этих обстоятельствах, принимая во внимание наличие как фактической, так и юридической связи, Суд признал, что встречные требования Югославии непосредственно связаны с требованиями Боснии и Герцеговины и, соответственно, они могут быть рассмотрены в рамках основного процесса⁴⁴.

Точно такая же схема, как и в деле *Босния и Герцеговина против Югославии*, была использована Судом при рассмотрении встречного требования США в деле *Нефтяные платформы*. В частности, Суд принял во внимание одинаковую природу фактов, из которых исходят основные и встречные требования (действия, составляющие нарушения договора 1955 года), и то, что эти требования касаются событий в Персидском заливе, происходивших в один и тот же период времени (то есть относятся к одной и той же совокупности фактов). Кроме того, стороны преследуют одну и ту же юридическую цель — установление ответственности за нарушение обязательств по договору 1955 года⁴⁵.

В деле *Сухопутная и морская граница между Камеруном и Нигерией (Камерун против Нигерии)* Суд также определил на-

³⁹ C.I.J. Mémoires. *Droit d'asile (Colombie/Pérou)*. Vol. I. P.380—381.

⁴⁰ Cour internationale de Justice. *Droit d'asile (Colombie/Pérou)*. Arrêt du 20 novembre 1950 // C.I.J. Recueil 1950. P.280—281.

⁴¹ International Court of Justice. *Rights of Nationals of the United States of America in Morocco (France v. United States of America)*. Judgment of 27 August 1952 // I.C.J. Reports 1952. P.203—212.

⁴² В своих встречных требованиях, представленных в контрмеморандуме, Югославия, в частности, просила Суд признать, что Босния и Герцеговина несёт ответственность за совершённые на её территории акты геноцида против сербов, за подстрекательство к совершению геноцида и непринятие мер по предупреждению геноцида.

⁴³ Cour internationale de Justice. *Application de la convention pour la prévention et la répression du crime de génocide (Bosnie-Herzégovine c. Yougoslavie)*. Demandes reconventionnelles. Ordonnance du 17 décembre 1997 // C.I.J. Recueil 1997. P.258. § 35.

⁴⁴ В 2001 году Югославия решила отозвать свои встречные требования (Cour internationale de Justice. *Application de la convention pour la prévention et la répression du crime de génocide (Bosnie-Herzégovine c. Yougoslavie)*. Ordonnance du 10 septembre 2001 // C.I.J. Recueil 2001. P.572).

⁴⁵ International Court of Justice. *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Counter-Claim. Order of 10 March 1998 // I.C.J. Reports 1998. P.205. § 38.

личие непосредственной связи между требованиями Камеруна и встречными требованиями Нигерии, исходя из того, что они были основаны на действиях одной и той же природы (инциденты, связанные с нарушением границы), которые относились к одному и тому же географическому району (территория вдоль границы между двумя государствами). Кроме того, встречные требования Нигерии преследовали ту же юридическую цель, что и требования Камеруна (установление ответственности и определение возмещения вреда)⁴⁶. В данном случае временной элемент «непосредственной связи» Суд оставил в стороне. Это упущение можно объяснить тем, что, в силу отсутствия возражений со стороны Камеруна в отношении встречных требований, анализ выполнения критерия непосредственной связи был проведён Судом в упрощённом виде.

В деле *Военные действия на территории Конго (ДРК против Уганды)* выводы Суда в отношении непосредственной связи основных и встречных требований вызывают, однако, целый ряд вопросов. В частности, требования ДРК касались неправомерных действий Уганды: применение силы (вооружённое нападение и оккупация части территории), военная и финансовая поддержка антиправительственных группировок, незаконная эксплуатация природных ресурсов. Во встречных требованиях Уганда, в свою очередь, обвинила ДРК, во-первых, в актах агрессии (трансграничные нападения) и поддержке антиправительственных групп, во-вторых, в нападении на посольство Уганды в Киншасе и бесчеловечном обращении с дипломатами и другими угандийскими гражданами, в-третьих, в нарушении обязательств по Лусакскому соглашению 1999 года. В постановлении 2001 года Суд оценивал наличие непосредственной связи применительно к каждой из трёх вышеуказанных категорий встречных требований⁴⁷.

Применительно к первому встречному требованию, как и можно было ожидать, ис-

ходя из прецедентов дел *Применение Конвенции о геноциде* и *Нефтяные платформы*, Суд отметил одинаковую природу действий, которые составляют фактическую сторону основного и встречного требований (использование силы и поддержка антиправительственных групп), и то, что они были совершены в рамках существовавшего с 1994 года конфликта между двумя странами. Таким образом, эти действия представляли собой часть одного и того же комплекса фактов. Кроме того, каждая из сторон стремилась установить ответственность другой за нарушение одних и тех же норм международного права. Соответственно, в целом существовала непосредственная связь между основным и встречным требованиями⁴⁸.

Второе встречное требование Суд также вписал в рамки общего конфликта, поскольку оно относилось к периоду времени непосредственно после вторжения Уганды на территорию ДРК в начале августа 1998 года и было построено на обвинениях в применении силы. Природа актов, по мнению Суда также была одна и та же, а юридические цели — идентичны, так как стороны стремились установить ответственность за нарушение норм международного права, касавшихся защиты личности и собственности. Поскольку, таким образом, существовала непосредственная связь с первоначальными требованиями, второе встречное требование было признано частью рассматриваемого дела⁴⁹. Уже в рамках основной процедуры, в реплике на ответ, Уганда фактически изменила юридическое основание второго встречного требования. Если в контрмеморандуме и в письменных соображениях по поводу приемлемости встречных требований она ссылалась на нарушение минимального стандарта обращения с иностранцами и прав человека, а также незаконность экспроприации государственной собственности, вписав их в общий контекст конфликта, как составляющих элементы применения силы, актов агрессии и поддержки антиправительственных форми-

⁴⁶ Cour internationale de Justice. *Frontière terrestre et maritime entre le Cameroun et le Nigeria (Cameroun c. Nigeria)*. Ordonnance du 30 juin 1999 // C.I.J. Recueil 1999. P.985.

⁴⁷ Cour internationale de Justice. *Activités armées sur le territoire du Congo (République démocratique du Congo c. Ouganda)*. Demandes reconventionnelles. Ordonnance du 29 novembre 2001 // C.I.J. Recueil 2001. P.678. § 37.

⁴⁸ Ibid. P.678–679. § 38–39.

⁴⁹ Ibid. P.679. § 40–41, 45, 51(2).

рований⁵⁰, то в реплике на ответ в качестве главного юридического основания второго встречного требования приводится Венская конвенция о дипломатических сношениях, а в дополнение к ней минимальный стандарт обращения с иностранцами и незаконная экспроприация государственной собственности⁵¹. Это вызвало возражение ДРК. В решении по существу дела, вынесенном в 2005 году, Суд обратил внимание на то, что в постановлении 2001 года по вопросу приемлемости встречных требований было отмечено, что стороны стремятся установить ответственность друг друга в связи с нарушением договорных и обычных норм международного права, «относящихся к защите личности и собственности». По мнению Суда, эта формулировка достаточно широка, чтобы охватить положения Венской конвенции 1961 года, если принять во внимание, что обвинения по-прежнему основаны на фактах применения силы. Таким образом, последующая ссылка Уганды на Венскую конвенцию как дополнительное юридическое основание ситуацию в отношении приемлемости встречного требования не меняла⁵².

Третье же встречное требование, как подчеркнул Суд, относилось к национальному диалогу в Конго, размещению миссии ООН, разоружению и демобилизации воюющих группировок, что являлось предметом Лусакского соглашения. Суд посчитал, что это требование касалось «способов разрешения конфликта», согласованных на многостороннем уровне, тогда как действия, лежавшие в основе первоначального требования, имели другую природу, а именно: это были действия совершённые Угандой «во время конфликта» (обе фразы специально выделены в тексте постановления). Следовательно, это не один и тот же комплекс фактов. Кроме того, по мнению Суда, стороны не преследовали одни и те же юридические цели, так как стремились к установлению ответственности за нарушение обязательств,

вытекающих из различных групп норм международного права (неприменение силы и невмешательство во внутренние дела, с одной стороны, и Лусакское соглашение — с другой). Таким образом, непосредственная связь между основным и встречным требованиями в таких обстоятельствах отсутствовала⁵³.

В деле *Определённая деятельность, осуществляемая Никарагуа в пограничном районе (Коста-Рика против Никарагуа)* требования Коста-Рики относятся к сооружению Никарагуа каналов на территории, на которую претендуют оба государства в связи с разногласиями о линии прохождения границы, а также к дноуглубительным работам на реке Сан-Хуан, вблизи данной территории. Встречные требования, которые были заявлены Никарагуа, касались в основной их части 1) строительства Коста-Рикой дороги на её собственной территории, вдоль реки Сан-Хуан, 2) статуса залива Сан-Хуан дель Норте, а также 3) прав Никарагуа в отношении судоходства по реке Колорадо (один из рукавов реки Сан-Хуан).

Международный Суд рассматривал вопрос о непосредственной связи только применительно ко второму и третьему встречным требованиям⁵⁴. Он признал, что природа фактов, на которые Коста-Рика ссылается в своих требованиях и Никарагуа ссылается во втором встречном требовании, различна. В частности, Коста-Рика приводит примеры якобы неправомερных работ на спорной территории, а Никарагуа ведёт речь о естественном изменении физических характеристик залива Сан-Хуан дель Норте. Факты, приводимые сторонами, глобально относятся к одному географическому району, однако требования Коста-Рики и второе встречное требование Никарагуа касаются его различных частей. Далее, отсутствует связь во времени: требования были выдвинуты в 2010 году и основаны на недавних событиях, а изменение характеристик залива произошло ещё в XIX веке. Кроме того, хотя первоначальные

⁵⁰ Counter-Memorial of Uganda. P.228 (UURL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/116/8320.pdf>); Written Observations of Uganda on the Question of the Admissibility of its Counter-Claims. P.29–32 (URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/116/13467.pdf>).

⁵¹ Rejoinder of Uganda. P.312–332 (URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/116/8314.pdf>).

⁵² International Court of Justice. *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*. Judgment of 19 December 2005 // I.C.J. Reports 2005. P.275. § 325–327.

⁵³ Cour internationale de Justice. *Activités armées sur le territoire du Congo (République démocratique du Congo c. Ouganda)*. Demandes reconventionnelles. Ordonnance du 29 Novembre 2001 // C.I.J. Recueil 2001. P.679. § 42–43.

⁵⁴ В отношении первого встречного требования см.: Пунжин С. М. Указ. соч. С. 52.

требования и второе встречное связаны с территориальным суверенитетом в широком смысле, однако встречное требование, в отличие от первоначальных, не затрагивает вопросы суверенитета над спорной территорией или же иные вопросы, касающиеся границы между двумя странами, установленной договором 1858 года и последующими арбитражными решениями. Таким образом, действия в основе встречного и первоначального требований не являются частью одной совокупности фактов, и с этой точки зрения непосредственная связь отсутствует. Кроме того, нет и юридической связи, поскольку требования Коста-Рики касаются нарушения суверенитета и территориальной неприкосновенности, а также вопросов защиты окружающей среды, а встречное требование направлено на признание суверенитета над территорией, которая не совпадает с той, которая является предметом основного требования. Коста-Рика также ссылается на договор 1858 года, арбитражные решения и международное право окружающей среды, а Никарагуа на то, что правовая ситуация, как результат физических изменений определённой территории, стала иной, по сравнению с 1858 годом. Таким образом, в целом стороны не преследуют одинаковые юридические цели.

Третье встречное требование, которое относилось к судоходству по реке Колорадо, имело географическую связь с первоначальным, поскольку они затрагивали одну и ту же речную систему, а также были связаны во времени. Однако факты, приводимые Никарагуа, отличались по своей природе от фактов, на которые ссылается Коста-Рика, поскольку встречное требование Никарагуа касалось не вопросов суверенитета, а ущерба в результате попыток Коста-Рики препятствовать дноуглубительным работам на реке Сан-Хуан. Таким образом, связь в отношении фактов отсутствует. Юридические цели сторон также различны: у Коста-Рики это установление ответственности за нарушение её

суверенитета и прав судоходства по реке Сан-Хуан, а также за нанесение ущерба окружающей среде, а у Никарагуа они были направлены на восстановление прав судоходства по реке Колорадо, которые действовали до 1860 года⁵⁵.

Интересно, что объединение дел *Коста-Рика против Никарагуа* и *Никарагуа против Коста-Рики* на один день предшествовало вынесению решения в отношении встречных требований, что позволило Суду, исходя из юридической целесообразности и экономии юридических средств, эффективно исключить из общего анализа первое встречное требование, не рассматривая вопрос о его непосредственной связи с первоначальными требованиями Коста-Рики. Хотя с учётом того, какая планка была установлена для оценки непосредственной связи применительно ко второму и третьему встречным требованиям, первое встречное требование вряд ли эту планку преодолело бы.

Исследования, которые проанализировали постановления Международного Суда по теме встречных требований (за исключением последнего от 18 апреля 2013 года в деле *Коста-Рика против Никарагуа*), определяют совокупность фактов, на которой основывается Суд для констатации непосредственной связи, как включающую, по меньшей мере, следующие элементы. Во-первых, факты, на которые опираются основные и встречные требования, должны относиться к одному и тому же географическому району и одному и тому же отрезку времени. Во-вторых, действия, которые обжалуются в основном и встречном требованиях, должны быть одной и той же природы⁵⁶. В-третьих, правовые инструменты, на которые опираются стороны, должны быть одни и те же. В-четвёртых, преследуемые юридические цели (восстановление правопорядка, признание ответственности за нарушение конвенции) должны совпадать⁵⁷. Исследователи также отмечают, что не всегда, когда признавалось наличие

⁵⁵ Cour Internationale de Justice. *Certaines activités menées par le Nicaragua dans la région frontalière (Costa Rica c. Nicaragua); Construction d'une route au Costa Rica le long du fleuve San Juan (Nicaragua c. Costa Rica)*. Demandes reconventionnelles. Ordonnance du 18 Avril 2013. § 33–37 (URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/150/17358.pdf>).

⁵⁶ Требование о том, что действия должны быть одного и того же рода, представляет собой, по мнению Х. Тёрлвэя, существенный элемент. Так, требование об ответственности государства за нарушение иммунитета его дипломата не может быть выдвинуто в качестве встречного по отношению к основному требованию, которое основано на нарушениях обязательств по Конвенции о геноциде, даже если оба действия были совершены в одно и то же время на одной и той же территории (*Thirlway H. Op. cit. P.217*).

⁵⁷ *Nouvel Y. La recevabilité des demandes reconventionnelles devant la Cour International de Justice à la lumière de deux ordonnances récentes // Annuaire français de droit international. Vol. 44. 1998. P.330; Thirlway H. Op. cit. P.218; Savadogo L. La renaissance de la*

непосредственной связи, присутствовали все эти элементы. Например, утверждается, что в деле *Применение Конвенции о геноциде* факты, хотя и относились к одной и той же географической и хронологической сфере, на самом деле были различны⁵⁸; в *Нефтяных платформах* не было единства действий⁵⁹; в деле *Конго против Уганды* для установления непосредственной связи Суд принял во внимание только природу фактов⁶⁰.

В недавнем постановлении сам Суд следующим образом суммировал факторы, которые позволяют оценить, существует ли непосредственная связь с точки зрения фактов и права:

«Суд рассматривал, относятся ли факты, на которые полагается каждая из сторон, к одному и тому же географическому региону или одному и тому же периоду времени. ... Суд также рассматривал, обладают ли факты, на которые полагается каждая из сторон, одной и той же природой, в том смысле, что стороны ссылаются на одинаковые типы поведения. ... Суд далее исследовал, имеется ли прямая связь между встречным требованием и основными требованиями другой стороны с точки зрения правовых принципов или инструментов, на которые эти требования опираются, или того, могут ли заявитель и ответчик рассматриваться как преследующие одни и те же юридические цели посредством их соответствующих требований...»⁶¹.

Отдельные элементы вышеприведённого обобщения связаны раздельным союзом «или», что говорит о том, что не во всех случаях для установления непосредственной связи необходимо присутствие всех элементов в совокупности. Достаточна ли комбинация элементов, присутствующих в обстоятельствах конкретного дела, остаётся на «суверенное» усмотрение Суда. Некоторые специалисты подчеркивают, что данный подход

является оптимальным при вынесении соответствующего решения⁶². Кроме того, он объясняет кажущиеся противоречия в практике Суда в отношении определения приемлемости встречных требований.

Следует также обратить внимание на то, что в отличие от предыдущей практики, когда Суд устанавливал наличие непосредственной связи, исходя из характеристики фактов в самом общем виде, в деле *Коста-Рика против Никарагуа* он исследовал детали как фактов, так и применимых норм права. Вряд ли стоит рассматривать подобный порядок вынесения решения как начало новой тенденции, скорее это способ, который соответствовал обстоятельствам дела и внутреннему убеждению судей и Суда в целом. В будущем, по-видимому, следует ожидать применения и того, и другого подходов в зависимости от конкретного дела.

3. Вопрос о дискреционных полномочиях Суда

В литературе высказывалось мнение, что, даже если встречное требование отвечает всем установленным критериям, оно не становится автоматически частью процесса; вопрос о том, будет ли встречное требование рассматриваться совместно с основным, остаётся на усмотрение Суда⁶³. Х. Тёрлвэй, однако, полагал, исходя из текста статьи 80 в редакции 1978 года, что выражение «встречное требование может быть заявлено» в пункте 1 этой статьи не означало обладание Судом дискреционными полномочиями. При этом он ссылаясь на подготовительные материалы Регламента Постоянной палаты международного правосудия, которые подтверждают, что при разработке соответствующего положения судьи исходили из того, что соблюдение требований приемлемости ведёт за собой

procédure des demandes reconventionnelles // *Revue belge de droit international*. 1999. No. 1. P.260; *Murphy S.* Amplifying the World Court's Jurisdiction through Counter-Claims and Third-Party Intervention // *The George Washington International Law Review*. Vol. 33. 2000–2001. P. 17–18; *Rosenne Sh.* Counter-Claims in the International Court of Justice // *Essays on International Law and Practice* by Shabtai Rosenne. Leiden: Martinus Nijhoff, 2007. P.293; *Antonopoulos C.* Op. cit. P.132–133; *Azari H.* Op. cit. P.180–183.

⁵⁸ *Distefano G.* Op. cit. P.55.

⁵⁹ *Savado L.* Op. cit. P.261.

⁶⁰ *Azari H.* Op. cit. P.182.

⁶¹ Cour Internationale de Justice. *Certaines activités menées par le Nicaragua dans la région frontalière (Costa Rica c. Nicaragua); Construction d'une route au Costa Rica le long du fleuve San Juan (Nicaragua c. Costa Rica)*. Demandes reconventionnelles. Ordonnance du 18 Avril 2013. § 32 (URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/150/17358.pdf>).

⁶² *Savado L.* Op. cit. P.253.

⁶³ *Nouvel Y.* Op. cit. P.333, 336.

признание встречного требования как составляющего часть судопроизводства⁶⁴. Ш. Мёрфи также считал, что «если сомнения [в отношении приемлемости] разрешены в пользу ответчика, встречное требование будет присоединено [к основному производству]»⁶⁵.

Пункт 1 статьи 80 Регламента в современной редакции предполагает, что «Суд **может** принимать к рассмотрению встречное требование», если оно соответствует установленным в нём критериям (выделено мной — *С.П.*). На первый взгляд, эта формулировка, даже с большей степенью уверенности, чем раньше, позволяет сделать вывод о существовании дискреционных полномочий Суда, поскольку в ней используется глагол, который допускает действие, но обязывает субъекта его осуществить. Кроме того, подобная же формулировка пункта 1 статьи 65 Статута в отношении консультативных за-

ключений («Суд может давать консультативные заключения...») неизменно трактуется как наличие у Международного Суда дискреционных полномочий.

Трудно, однако, представить себе ситуацию, в которой Суд, например в силу соображений судебной целесообразности или политики, отказался бы принять к рассмотрению встречное требование, которое отвечает критериям приемлемости. Если Суд не имеет права не рассматривать заявление о возбуждении дела, в отношении которого соблюдены все установленные Статутом и Регламентом правила, то этот же общий принцип применим к встречным требованиям. Именно по этому пути идёт судебная практика. До настоящего времени ни в одном из прецедентов, связанных с встречными требованиями, вопрос о наличии дискреционных полномочий Судом не рассматривался.

⁶⁴ *Thirlway H.* Op. cit. P.223.

⁶⁵ *Murphy S.* Op. cit. P.19.